

Дорога для интеграции

Что нужно, чтобы построить трансграничную инфраструктуру в Евразии

Екатерина Мереминская
Петр Соколов

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) дал странам-участницам возможность объединить рынки товаров, услуг, капиталов и труда. Теперь, чтобы достичь потенциально возможного уровня товарооборота и взаимных инвестиций, странам нужно заниматься интеграцией бизнеса, финансов, а также развивать инфраструктуру. У инфраструктуры в этом процессе – ключевая роль, заявил на XII Международной конференции по вопросам евразийской интеграции, которую 31 октября провел Евразийский банк развития (ЕАБР), председателя банка Дмитрий Панкин.

«Чем более развита будет инфраструктура, тем меньше будут транзакционные издержки и плотнее сотрудничество», – говорит партнер ЕУ Алина Заборовская. Сейчас самое время для нового витка интеграции. Восстанавливающиеся темпы роста экономики, снижающаяся инфляция и процентные ставки создают хорошие условия для реализации интеграционных проектов в регионе, считает главный экономист ЕАБР Ярослав Лисоволик.

Крупнейший трансграничный инфраструктурный проект в регионе – транспортный коридор Европа – Западный Китай (ЕЗК) протяженностью 2300 км, который должен соединить Россию (от Санкт-Петербурга), Казахстан и Китай. «Проект облегчит транспортировку грузов из Китая в Европу. Морем эти грузы доставляются 40–50 дней, а по трассе это будет в разы быстрее», – говорит партнер КПИГ в России и СНГ Степан Светанков. Еще один обсуждаемый проект – «Меридиан», который должен соединить Казахстан и Белоруссию через южную часть России.

У ЕЗК есть проблема – неслаженные действия его участников: каждое государство строит свою часть проекта самостоятельно.

Алексей Кудрин,
председатель совета
Центра стратегических разработок,

о перспективах ЕАЭС:

Будущее за теми странами и союзами, которые смогут реализовать непрерывную модель инновационной экономики. Эта модель предполагает ежегодное обновление производимой продукции – в первую очередь высокотехнологичной. Международная кооперация – это важнейшее условие новой технологической революции, на пороге которой стоит наша страна. Сложности экономической интеграции понятны. Но очевидна и неизбежность этого пути. Альтернативы ему нет.

Работа по разворачиванию непрерывной модели инновационной экономики ведется на площадках Евразэс, в том числе и Евразийского банка развития. Наш горизонт планирования – от 3 до 10 лет. К 2035 г. модель ежегодного обновления должна выйти на уровень уверенного производства в промышленных масштабах по группам товаров.

Сегодня активное взаимодействие присутствует в электроэнергетике, в атомной отрасли, в строительстве и эксплуатации гидроэнергетических объектов. Безусловные приоритеты сотрудничества – машиностроение, химпром и высокая переработка, транспортная инфраструктура. Но происходящий в мире переход к новому технологическому укладу предполагает появление производств и платформ, которые на сегодняшний день, возможно, даже не известны. Потому перспективные отрасли сотрудничества только формируются. &

«У нас любят осваивать бюджетные деньги, а не считать экономический эффект»

Дмитрий Панкин,
председатель правления
Евразийского банка развития

Вчера прошла XII Международная конференция «Евразийская интеграция», организованная Евразийским банком развития. Об актуальных проблемах интеграции на евразийском пространстве – председатель правления банка Дмитрий Панкин

– **Тема евразийской интеграции все чаще звучит на крупных форумах. Какие вопросы сегодня являются основными в контексте этой тематики?**

– Мы только что провели конференцию, на которой обсуждались риски ослабления интеграционных процессов и пути выхода из ситуации. Есть ощущение, что прогресс, который был достигнут с открытием таможенных границ между странами, этим и исчерпался. Дальше мы столкнулись со множеством нетарифных ограничений. Существующие принципы евразийской интеграции не всегда позволяют быстро и эффективно решить непростые вопросы. Некоторые участники конференции выразили мнение о необходимости пересмотра этих основ, включая полномочия представительных органов и принципов, по которым они формируются.

– **О каких нетарифных ограничениях идет речь?**

– Приведу два наглядных примера. Первый: до сих пор нет свободного доступа судов под флагом стран ЕАЭС к плаванию по внутренним водным путям региона ЕАЭС. Фактически бизнес вынужден фрахтовать

национальное судно, перегружать товар и нести дополнительные издержки. Это снижает возможности грузоперевозок внутри союза. Второй пример: есть ограничение доступа поставщиков товаров и услуг к участию в закупках на территории стран союза, проводимых в электронном формате. Причина – отсутствие взаимного признания электронной цифровой подписи.

Существует множество других примеров, которые тормозят процесс интеграции. Мы провели опрос предпринимателей, чтобы выяснить, сколько стоит преодоление таких препятствий. Оценки варьируются от 17 до 30 коп. на 1 руб. продукции. Это много.

– **В чем была особенность вашей конференции в этом году?**

– Мы хотели не только сосредоточиться на традиционных – экономических – вопросах интеграции, но и обсудить проблемы образования. Посудите сами: раньше ехали учиться в Москву. А сейчас система культурных и образовательных стандартов разрушается и из стран ЕАЭС едут учиться в Китай, Корею, Западную Европу. Есть необходимость пересмотреть взаимоотношения в этой сфере.

– **Несколько лет назад вы подписали соглашение о сотрудничестве с ЕБРР. Какие у вас сейчас точки соприкосновения?**

– В Казахстане и Белоруссии мы работаем вместе с ЕБРР в разных проектах. В России мы заменили ЕБРР в проекте финансирования инвестпрограммы ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» – уже подписано соглашение и начата наша работа с другими банками по привлечению финан-

Санкции помогли инвестициям

Взаимные инвестиции стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) растут впервые после трех лет падения. Почему?

Татьяна Алешкина

В 2016 г. накопленные взаимные прямые инвестиции между странами, входящими в ЕАЭС, выросли на 15,9% до \$26,8 млрд, подсчитал Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР). С 2013 по 2015 г. их объем снижался.

Основной инвестор – Россия, доля которой в общем объеме вложений составила 78% в общем экспорте инвестиций, или \$21 млрд. Главными получателями остались Белоруссия (\$8,6 млрд) и Казахстан (\$8,2 млрд). Накопленный объем прямых инвестиций в Россию достиг \$5 млрд, свидетельствуют расчеты ЦИИ ЕАБР.

Причем в 2016 г. взаимные прямые инвестиции стран ЕАЭС росли вдвое быстрее, чем в СНГ, замечает директор ЦИИ ЕАБР Евгений Винокуров. Основными факторами он называет укрепление российского рубля и восстановление экономической активности в России.

Управляющий директор Arbat Capital Алексей Голубович перечисляет несколько причин роста инвестиций. «Во-первых, это ограничение возможностей инвестирования для российских госкомпаний в развитые страны после санкций США и ЕС», – говорит он. Вторую причину Голубович видит в желании российского правительства удержать ряд стран бывшего СССР в сфере экономического влияния, а

третью – в отсутствии у Армении, Белоруссии, Узбекистана и Киргизии возможности привлечь инвестиции откуда-либо, кроме России.

Свою роль сыграло и улучшение макроэкономической ситуации. Главный экономист БКС Global Markets Владимир Тихомиров связывает увеличение объема инвестиций с ростом цен на нефть и укреплением рубля. «Улучшение перспектив нефтяного рынка привело к увеличению инвестиций в этот сектор везде в мире, и Россия и ЕАЭС не стали исключением», – добавляет он.

Структура накопленных в России прямых инвестиций стран ЕАЭС сильно отличается от общей структуры взаимных инвестиций, свидетельствуют расчеты ЦИИ ЕАБР. Если в общем объеме основная часть инвестиций приходится на топливный комплекс (43,3%), а далее следует цветная металлургия (10,9%), то на 1-м месте среди инвестиций в Россию – химическая промышленность с долей 35,1% (в общем объеме ее доля составляет лишь 8,1%), на 2-м и 3-м местах – агропродовольственный и транспортный комплексы (15,8 и 14,2% соответственно), а топливный сектор занимает лишь 5-е место (12,5%).

Голубович напоминает, что почти весь химический комплекс республик бывшего СССР (за исключением Азербайджана) работал на российском углеводородном сырье. «Большинство крупных химических предприятий, в частности, Белоруссии и Украины зависели от «Газпрома» и российских сырьевых компаний, поэтому «инвестиции» сейчас – это, как правило, плата по долгам за это сырье», – объясняет Голубович.

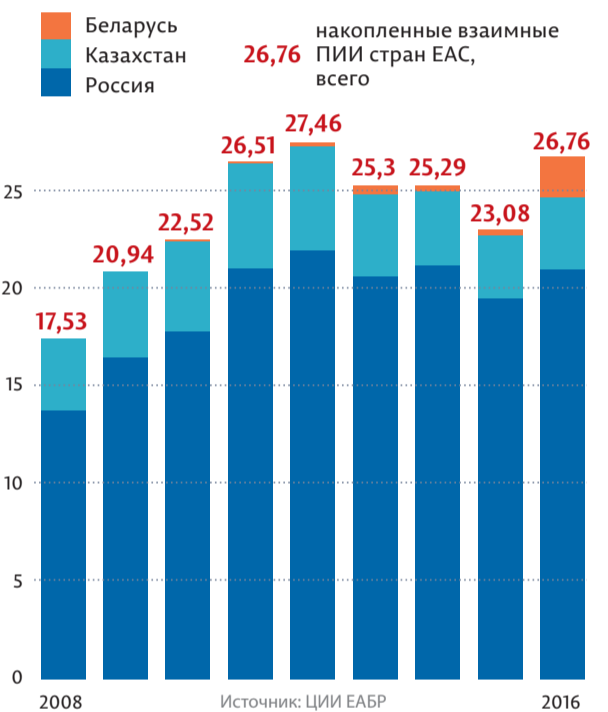
Инвестиции в аграрный и транспортный секторы растут на волне санкций и желания улучшить транспортные коридоры, идущие через Россию, считает Тихомиров. Например, существенный рост накопленных взаимных инвестиций Белоруссии (с \$2 млрд почти до \$11 млрд) мог стать следствием санкций: западные компании решили инвестировать в Россию не напрямую, а через белорусские филиалы.

Российские инвесторы в страны ЕАЭС – это в основном крупные компании, говорит зампред правления ЕАБР Константин Лимитовский. На начало 2017 г. на четыре компании – «Газпром», «Лукойл», «Вымпелком» и МТС – пришлось \$19,5 млрд накопленных инвестиций, или 56% от всех российских прямых инвестиций на постсоветском пространстве (вклю-

чая страны, не входящие в ЕАЭС), свидетельствуют расчеты ЦИИ ЕАБР.

Средний бизнес пока за границу не идет, констатирует Лимитовский «Дело в том, что компании среднего эшелона более ограничены как в денежных средствах, так и в административном ресурсе», – объясняет он. Средние и малые российские компании не делают существенных инвестиций в страны ЕАЭС и в целом в страны бывшего СССР (кроме стран Балтии) из-за слабой правовой защищенности вложений. «Достаточно привести пример Украины», – отмечает Голубович. Дело в том, что только большие и государственные компании, действующие на основе межправительственных соглашений, могут быть защищены от резких изменений условий ведения бизнеса и захвата имущества. Еще одна причина – в том, что небольшие частные компании из России и других стран ЕАЭС предпочитают инвестировать в другие страны ЕАЭС и бывшего СССР через кипрские и иные иностранные компании с британской или другой западноевропейской системой права. &

Динамика накопленных взаимных прямых иностранных инвестиций стран ЕАЭС, \$ млрд

Евразийский экономический союз

международное экономическое объединение, созданное 1 января 2015 г. и заменившее собой Евразийское экономическое сообщество (Евразэс, 2000–2014 гг.). Союз объединяет Россию, Белоруссию, Казахстан, Армению и Киргизию. Цели создания ЕАЭС – экономическое развитие стран-участниц, модернизация и повышение конкурентоспособности на мировом рынке.

Один рубль на всех

75% расчетов за взаимный экспорт и импорт государства ЕАЭС проводят в российских рублях, еще 19% – в долларах. Могут ли страны больше использовать национальные валюты в расчетах?

Петр Соколов

Доля рубля в расчетах на территории ЕАЭС выросла с 60% в 2013 г. почти до 75% в 2016 г. Доля доллара, соответственно, снизилась с 30 до 19%. А вот доли остальных валют все вместе лишь немного превышают 6%. В 2016 г. в абсолютных цифрах расчеты между странами ЕАЭС в рублях составили, по данным ЕАБР, более \$69 млрд, в долларах США – примерно \$18 млрд, в евро – около \$5 млрд.

«На первый взгляд кажется, что нет никаких проблем: доля рубля растет, причем за счет основных резервных валют – доллара и евро, – говорит директор Центра интеграционных исследований ЕАБР Евгений Винокуров. – Но при ближайшем рассмотрении можно обнаружить, что рубль является основным средством платежа лишь в двусторонних расчетах с Россией. Остальные страны ЕАЭС по-прежнему предпочитают расчеты в долларах».

Например, в расчетах Белоруссии со странами ЕАЭС, кроме России, на доллар приходилось более 50%, в расчетах Казахстана и Киргизии со странами ЕАЭС, кроме России, – около 80%.

Главные препятствия для расчетов между странами в национальных валютах – экономические, а не политические, показал опрос представителей бизне-

са, ведущих свою деятельность на территории ЕАЭС и вовлеченных в трансграничную торговлю, а также представителей Евразийской комиссии и центральных банков стран ЕАЭС, который в середине этого года провел ЕАБР (40 респондентов).

В первую очередь – высокие транзакционные издержки при таких расчетах, высокая волатильность валют, а также макроэкономическая неопределенность. Участники опроса называли также низкую ликвидность рынка конверсионных операций в локальных валютных парах и отсутствие инструментов, хеджирующих валютные риски, отсутствие торгового финансирования в локальных валютах.

Все это приводит к дополнительным издержкам у участников внешнеторговой деятельности и создает для них дополнительные неконтролируемые риски. Борьба с этими препятствиями необходимо, но не директивными методами, а созданием благоприятных условий для расчетов в национальных валютах, говорит управляющий директор по организационному развитию, член правления ЕАБР Наталия Чургель.

Развитие общего рынка капитала ЕАЭС должно привести к усилению роли национальных валют

Почему растет использование российского рубля? Благодаря жесткой политике российского ЦБ, которой все больше и больше доверяют, а также в результате снижения волатильности курса и инфляции, отмечает руководитель операций на валютном и денежном рынке Металлинвестбанка Сергей Романчук.

К расчетной валюте есть два требования, говорит Романчук, и российский рубль удовлетворяет обоим. Во-первых, все должны быть уверены, что стра-

на-эмитент не ограничит движение капитала и не предпримет других действий, затрудняющих расчеты. Во-вторых, поскольку расчеты занимают время, все участники сделки должны быть уверены, что за это время валюта не потеряет свою ценность.

Что нужно, чтобы доля национальных валют в расчетах между странами ЕАЭС росла? Нужны меры, которые помогли бы развитию финансовых рынков стран ЕАЭС и углублению их интеграции, считают участники опроса, проведенного ЕАБР. Кроме того, отмечают они, может помочь развитие практики частичного предоставления межгосударственных кредитов в национальных валютах. Сейчас такие кредиты предоставляются в основном в долларах.

Также нужны механизмы, снижающие транзакционные издержки, например многосторонний клиринг, а также инструменты хеджирования валютных рисков. ЕАБР с 2016 г. является маркетмейкером по паре рубль/тенге и это помогает сокращению издержек при конверсионных операциях, говорит управляющий директор ЕАБР по активам и пассивам Дмитрий Ладиков-Роев: спред по этой паре снизился, ликвидность выросла. За последний год оборот по паре тенге/рубль в рамках интегрированного валютного рынка ЕАЭС вырос в 30 раз (до 49 млн руб., или 269,2 млн тенге), указывает он. Эту практику планируется распространить на армянский драм и белорусский рубль.

Винокуров считает, что развитие общего рынка капитала ЕАЭС можно рассматривать как основной фактор, который в конечном итоге приведет к усилению роли национальных валют. Административные методы стимулирования расчетов в национальных валютах могут принести только вред. Сочетание мер, направленных на макроэкономическую стабильность, и технических мер, направленных, например, на повышение ликвидности валютных пар в биржевой торговле, даст гораздо больше, говорит Винокуров. &

Дмитрий Панкин

Председатель правления Евразийского банка развития (ЕАБР). Окончил Ленинградский государственный университет, а также Bocconi University в Милане и City University Business School в Лондоне, кандидат экономических наук. В 2000–2003 гг. – председатель правления Санкт-Петербургского банка реконструкции и развития, в 2004–2011 гг. работал в Минфине (последняя должность – заместитель министра), в 2011–2013 гг. – руководитель Федеральной службы по финансовым рынкам, в 2013–2015 гг. – заместитель министра финансов РФ.

Евразийский банк развития

ЕАБР был учрежден в 2006 г. Россией и Казахстаном по инициативе президентов двух стран. Участниками ЕАБР также являются Армения, Белоруссия, Киргизия и Таджикистан. Уставный капитал – \$7 млрд. Активы на 31.10.2017 – \$3,3 млрд, текущий инвестиционный портфель – \$2,9 млрд.

Дмитрий Панкин: «У нас любят осваивать бюджетные деньги, а не считать экономический эффект»

→ 0 1 сирования в данный проект. Готовимся подписать соглашение с АО «Водоканал» в Якутске, которое раньше брало кредит в ЕБРР. Вместо ЕБРР мы также участвуем в проектах ЦКАД-3 и трасса М-49, обсуждаем наше участие в строительстве платных дорог в Татарстане и Туле.

– В РФ ЕБРР ограничен санкциями. А на вас санкции не распространяются?

– Напрямую нет. Но есть косвенное влияние. Например, мы не можем инвестировать в проекты ОСК и ОАК, потому что фондируемся на международных рынках. Если мы нарушим санкционный режим, то это может стать основанием для предъявления наших бондов к досрочному погашению.

– Не планируете ли вы профинансировать трассу «Евразия»?

– Мы рассматриваем проект автодороги «Меридиан» от границы Казахстана до западной границы России, проект скоростных автодорог в Татарстане, Москве и Петербурге.

К ВСМ «Евразия» есть некоторые вопросы, требуется провести тщательный экономический расчет перед началом строительства. Например, заставляет задуматься такой факт: стоимость строительства скоростной железной дороги Москва – Казань равна стоимости реконструкции всех региональных аэропортов России.

По международным оценкам, высокоскоростные магистрали эффективны на дистанциях от 200 до 600 км, на расстояниях свыше 600 км более эффективен авиатранспорт.

– Не рассматривали ли вы проекты типа Hurelloop?

– Нет, мы считаем, что в наших условиях есть более простые и реальные проекты. Например, бороться с ненужными потерями времени на уже существующих трассах, сокращать время на прохождение административных процедур. Но, к сожалению, у нас больше любят осваивать бюджетные деньги на грандиозные проекты, а не считать экономический эффект.

– Блокчейном, наверное, тоже не интересуетесь – даже спрашивать не буду. Какой ваш любимый проект сейчас?

– Если вообще можно так классифицировать, то строительство двух малых ГЭС в Карелии. Сделка по финансированию структурирована довольно сложно: компания привлекает в акционеры фонд с участием РФПИ, китайский генподрядчик также входит в капитал компании. Мы и МИБ кредитруем в рублях, а гарантию нам дает Корпорация МСП. Фондирование же мы привлекаем в долларах от Нового банка развития БРИКС.

– А это все работает, хочется вас спросить?

– Стройка уже идет полным ходом!

В продолжение предыдущего ответа я бы еще от-

метил интересный проект – ЦКАД-3, где мы входим в компанию как акционер и даем кредит на выплату процентов в период строительства дороги, что сложно для обычных банков. Ни Сбербанк, ни Газпромбанк не могут дать такой кредит, не создав 100% резервов.

– Какие новые проекты на подходе?

– На конференции подписали кредитный договор с «Солар Системс» на развитие солнечной электростанции (СЭС) в Астраханской области, планируем подписать с ними еще один – на строительство второй СЭС. Недавно подписали кредитный договор с «Трансфин-М». Они покупают белорусские грузовики «БелАЗы» и используют их для транспортных работ в Кузбассе. Идет активная работа по проекту в Казахстане – угольный разрез «Богатырь» (проект Олега Дерипаски. – «Ведомости&»). Он предполагает выдачу кредита в \$200 млн на принципиально новую технологию добычи и транспортировки угля, которая дает снижение себестоимости и экологический эффект. Хотя большинство банков развития стараются держаться подальше от этого вида сырья, мы считаем этот проект перспективным.

– То есть вас больше интересуют промышленные проекты из традиционных отраслей?

– Это один из приоритетов. Мы финансируем химические предприятия, удобрения, энергетику. Как все банки развития, интересуемся ветряной и солнечной энергетикой.

– Глава Сбербанка Герман Греф в это не верит, а руководитель «Роснано» Анатолий Чубайс его за это ругает. Вы на чьей стороне?

– (Смеется.) Если вопрос стоит прямо вот так, ребром, то скорее на стороне Чубайса. Сейчас, конечно, экономически все еще неэффективно использовать солнечную и ветряную энергетику, но посмотрите на динамику. 10 лет назад это было совсем теоретическое упражнение, сейчас же эффективность растет. Через несколько лет, я думаю, эти виды энергетики будут способны конкурировать по себестоимости с обычной генерацией. Хочу отметить, что это не просто любопытство к глобальным процессам, но и экономически просчитанный шаг – у нас есть договоры о поставке мощности (это квазигосгарантия – им гарантированы платежи за выстроенную мощность). С точки зрения банка такие проекты привлекательны – понятен денежный поток и гарантии возврата кредита. Мы работаем по нескольким таким проектам в Казахстане и России.

– Какие отрасли, с вашей точки зрения, сейчас перспективны для инвестиций?

– Нам представляется, что в отраслях, связанных с энергией и добычей полезных ископаемых, есть возможности для применения высоких технологий. Говорить «давайте создавать новую цифровую экономику» легко, сложнее это сделать. В сырьевой же экономике есть реальные рынки, понятный спрос и

резервы по повышению эффективности с применением высоких технологий.

– Это вы сейчас в огороде ВЭБа камень кинули?

– Нет, не в ВЭБ. Один из самых неудачных проектов в истории нашего банка – проект создания производства сырья для чипов в Усолье-Сибирском. Один наш банк вложил туда около \$100 млн, в проект инвестировали и ВЭБ, и Сбербанк, и «Роснано». Но когда завод был готов, оказалось, что единственное рациональное решение – повесить замок и забыть о нем, потому что за это время Китай успел накормить мир аналогичной продукцией, при этом в более прогрессивном исполнении.

– Какой у вас сейчас кредитный портфель и какова цель по нему на будущий год?

– Сейчас – \$2,6 млрд. К концу года планируем выйти на \$3 млрд, а за следующий год – нарастить еще на \$1 млрд. Возможности для этого есть, мы хорошо капитализированы.

– То есть в следующем году вы готовы раздать в качестве кредитов \$1 млрд?

– Скорее начать новые проекты, где наше финансирование составит \$1 млрд. Кроме того, под нашим управлением находится Евразийский фонд стабилизации и развития, который также выдает инвестиционные кредиты. Например, на модернизацию электростанций в Киргизии и Таджикистане, на строительство дорог в Армении и Киргизии. Его портфель – \$4,5 млрд, но основная часть – финансовые кредиты, выданные Белоруссии.

– Где вы фондируетесь?

– В этом году мы размещали облигации в рублях и тенге соответственно в России и Казахстане. Мы видим больше спроса со стороны клиента на финансирование в национальных валютах.

– Чтобы получить финансирование у вас, обязательно быть Дерипаской?

– Нет. За всю историю банка не было ни единого проекта, который бы нас обязывали профинансировать. Все проекты – и успешные, и не очень – инициировались менеджментом банка. Естественно, менеджмент согласует стратегию банка и принципы работы, а также крупнейшие проекты с советом банка. Главный критерий отбора проектов – интеграционный эффект, в проекте должны пересекаться интересы двух и более стран. В этом году, например, мы начали кредитовать трансграничные поставки железной руды казахстанской компании ERG на Магнитку. В рамках одной страны проекты развития мы тоже, конечно, рассматриваем. Выше я приводил в пример водоканал, солнечные станции и проч. Интересная тема – социальные проекты, такие как школы, больницы, связанные с перестройкой системы финансирования этих объектов. Мы к этому присматриваемся, хотя наши коллеги в Европе и Азии этим уже активно занимаются. &

Парадоксы интеграции

Почему в мировой экономике самые нуждающиеся в интеграции регионы оказываются на обочине процессов глобализации

Ярослав Лисоволик,
главный экономист Евразийского банка развития

В последние несколько лет популярной темой в экономических кругах стал вопрос внутри-странового и межстранового неравенства, из-за которого снижаются темпы роста мировой экономики. При этом основное внимание уделялось неравенству в уровне доходов в условиях, когда есть другие, не менее фундаментальные факторы неравенства – например, география и разница в транспортных издержках между производителями прибрежных и континентальных стран без выхода к морю.

По оценкам Всемирного банка, из-за более высоких транспортных издержек ВВП стран, не имеющих выхода к морю, растет на 1,5% медленнее, а товарооборот на 30% меньше. Парадокс мировой экономики в том, что эти страны, сильнее других нуждающиеся в экономической интеграции, испытывают дефицит интеграционных партнерств.

Страны без выхода к морю (без учета членов ЕС и ЕАСТ) имеют в среднем 2,5 соглашения о зоне свободной торговли, а те, у которых выход есть, – 7,5 (на основе базы данных ВТО). Если учитывать все виды интеграционных соглашений, разница между двумя группами стран все равно более чем двукратная (в среднем 4 соглашения у стран без выхода к морю и больше 9 – у остальных).

Если сопоставить страны с высоким и низким уровнем дохода (как их определяет Всемирный банк), то

оказывается, что в странах с низким доходом есть в среднем 0,3 зоны свободной торговли, в то время как в богатых экономиках – 14,7 (разница более чем в 40 раз). Разница в общем количестве интеграционных соглашений между двумя группами стран (включая зоны свободной торговли) – более чем 10-кратная.

В этих условиях возникает необходимость в создании новых механизмов интеграции, которые были бы более инклюзивными для стран с низким уровнем дохода или отсутствием выхода к морю. Один из примеров такого рода интеграционного проекта – «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) Китая, объединяющий 69 стран. Цель этого проекта – развитие инфраструктуры и снижение транспортных издержек на континентальном пространстве Евразии. Уникальность ЭПШП в том, что более 30% всех стран мира и 75% стран Евразии, не имеющих выхода к морю, включены в этот проект.

Другой пример – Евразийский экономический союз (ЕАЭС), все страны которого, кроме России, не имеют выхода к морю, при этом и сама Россия представляет собой экономику преимущественно континентального типа, с острым дефицитом портовых мощностей.

Интеграция, в том числе за счет создания транспортной инфраструктуры, – один из основных способов преодоления географических ограничений для стран Евразии, что, в свою очередь, требует ориен-

тированной на долгосрочную макроэкономическую стабильность экономической политики. Важные инструменты смягчения ограничений континентальной географии также включают развитие инновационной экономики, повышение эффективности прямых иностранных инвестиций стран ЕАЭС, более активную экономическую дипломатию по заключению альянсов со странами «дальнего зарубежья».

Такого рода интеграционные проекты и меры экономической политики будут способствовать смягчению остроты глобальных интеграционных дисбалансов, усиливающих факторы неравенства в экономической динамике развитых и развивающихся стран. &

Дорога для интеграции

Части ЕЗК в Китае и Казахстане практически готовы, Россия – пока выпадающее звено, но без него не замкнуть цепочку, замечает Светанков. В России созданием проекта занимается госкомпания «Автодор», проект по большей части находится на стадии предпроектных работ, прогресс заметен в основном на участке трассы М-11 (скоростная магистраль Москва – Санкт-Петербург) и ЦКАД в Московской области. «На примере этого проекта и проекта ВСМ «Евразия», где пока нет согласованной позиции всех стран – участниц проекта, мы видим, что есть поле для синхронизации деятельности государств», – говорит аналитик ЕАБР Наталья Гастон.

Вторая проблема инфраструктурных проектов – финансирование. Это дорогие проекты: например, строительство участка ЕЗК от Московской области до Казахстана оценивается примерно в 780 млрд руб. Без государства такие проекты реализовать невозможно.

В России, по данным управления стратегического и отраслевого анализа ЕАБР, уникальное соотношение расходов государственного бюджета на инфраструктуру и размеров территории: территория в России самая обширная в мире, а бюджет на инфраструктуру сопоставим с расходами Индонезии с площадью в 60 раз меньше. Рекомендованный различными международными институтами объем инвестиций в дорожную инфраструктуру России – 3–4% ВВП, или 3,4 трлн руб. в 2016 г. Но расходы на дорожное хозяйство в 2016 г. составили, по данным Росстата, около 1,4 трлн руб., или 1,6% ВВП. Рекомендации международных институтов не вполне применимы к России: Россия – большая страна, но возможности бюджета инвестировать в увеличение плотности

инфраструктурной сети ограничены, поэтому эффект от инвестиций нужно максимизировать, говорит Гастон.

Могут ли эту проблему решить частные деньги? Частных инвесторов интересуют прибыль и окупаемость проектов. Светанков из КППМГ говорит, что окупаемость, например, ЕЗК за счет сбора платы выглядит сомнительно. «Можно попробовать поставить повышенный тариф для грузоперевозчиков, работающих в интересах крупных торговых компаний, но частные инвесторы могут заинтересоваться, если возврат инвестиций будет не через сбор платы, а через плату государства, предоставившего концессию», – считает он.

«Возврат инвестиций через сбор платы за проезд по дорогам в России работает в одном или двух регионах», – говорит член правления ЕАБР Наталия Чургель. – Может быть, таким образом еще можно окупать мосты в нефтедобывающих регионах, но во всех остальных случаях все упирается в платежеспособность населения и готовность платить за проезд». Поэтому она сомневается, что в Россию удастся перенести западную модель инвестиций: скорее нам требуются уникальные решения. ЕАБР прорабатывает варианты, которые будут работать в российских условиях, в том числе с принятием большего риска в проектах.

Один из источников финансирования проектов международного уровня – ЕАБР: инфраструктура для банка как наднациональной международной финансовой организации с мажоритарным участием России – стратегический приоритет проектной деятельности,

Как ЕАБР участвует в финансировании инфраструктурных проектов

Акционерная часть	Кредитная часть			
	ЕАБР	Все банки	ЕАБР	
- акционерный кредит (субординированный долг)	Транш А: финансирование капитальных затрат	Транш Б: финансирование процентов по старшему долгу	Транш В: финансирование резервного счета – обязательств по выплате процентов в случае дефолта по старшему долгу	Транш Г: резервная линия (бридж)
- покупка долей в капитале заемщика (с пут опционом)				

напоминает управляющий директор по стратегическому и отраслевому анализу ЕАБР Екатерина Дмитриева. К тому же другие межгосударственные банки развития (ЕБРР, Всемирный банк) сейчас почти не участвуют в проектах развития инфраструктуры в России, говорит она. На Россию приходится 40% инвестиционного портфеля ЕАБР (его объем на 1 ноября 2017 г. – \$6,2 млрд, из них \$2,9 млрд – текущие инвестиции). Инфраструктура занимает около 50% портфеля ЕАБР – как в целом по всем странам-участницам, так и по России.

Какие механизмы могли бы способствовать запуску новых инфраструктурных проектов? В условиях, когда ликвидных проектов не хватает, была бы полезна поддержка в различных формах на стадии их подготовки. Международные финансовые организации через фонды технического содействия и другие инструменты, считает Чургель, могли бы оказывать содействие субъектам Федерации, помогая выбрать модель, способ финансирования, оценить эффективность, а также выбрать оптимальный механизм поддержки на уровне региона. У ЕАБР же есть ресурсы, чтобы организовывать финансирование, напоминает она. &

Рекламно-информационное приложение к газете «Ведомости»

16+

Главный редактор Анфиса Сергеевна Воронина
Генеральный директор Глеб Прозоров
Руководитель проекта Татьяна Сажина
Верстка Анна Ратафьева
Фоторедактор Александра Астахова
Корректор Светлана Борщевская
Менеджер по печати Татьяна Бурнашова
Шрифт «Пермиан», Илья Рудерман, «Студия Артемия Лебедева»

Учредитель и издатель АО «Бизнес Ньюс Медиа»
Адрес учредителя, издателя и редакции: 127018 Москва, ул. Полковая, 3, стр. 1.
Тел. 7 (495) 956-34-58
Рекламное СМИ

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-66973 от 15 сентября 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Все права защищены ©2017, АО «Бизнес Ньюс Медиа»
Любое использование материалов издания, в том числе в электронном варианте, допускается только с согласия правообладателя

Отпечатано в типографии АО «ПК «Экстра М»
143405 Россия, Московская область, Красногорский район, г. Красногорск, автодорога «Балтия», 23-й км, владение 1, дом 1
Тираж 30 000 экз.
Цена свободная